

DOI 10.25991/VRHGA.2021.2.21.026

УДК 94(47).053

*Ю. Г. Акимов, К. В. Минкова**

ПОДГОТОВКА ПОЕЗДКИ ПЕТРА I В ПАРИЖ: ДИСКУССИОННЫЕ МОМЕНТЫ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

В статье рассматривается международная обстановка, сложившаяся в Европе в 1716 — начале 1717 г., когда принималось решение о поездке Петра I во Францию. Анализируется позиция ведущих европейских держав по отношению к Балтийскому / Северному вопросу и перспективам завершения Великой Северной войны. Выявляются факторы, определяющие отношение Англии, Франции и Австрии к возможности усиления России и ослабления Швеции с точки зрения их интересов и стабильности европейской системы в целом. Вскрываются причины, побудившие царя стремиться к установлению союзных отношений именно с Францией. По мнению авторов, это было продиктовано тем, что требования, предъявляемые в тот момент Россией Швеции, в большей степени совпадали именно с французским видением мирного урегулирования конфликта между Карлом XII и его противниками, а с другой — стремлением заручиться поддержкой на случай конфликта с Австрией.

Ключевые слова: Великая Северная война, международные отношения, европейская политика, Россия, Петр I, Балтийский регион, Великобритания, Ганновер, Франция, системный подход.

* Акимов Юрий Германович, профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; y.akimov@spbu.ru

Минкова Кристина Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; k.minkova@spbu.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–42008 «Петр Великий: pro et contra. Личность и реформы Петра Великого в философско-культурологической и политологической рефлексии. Российский опыт и зарубежные контексты».

Yu. G. Akimov, K. V. Minkova
INTERNATIONAL RELATIONS IN EUROPE IN THE MID-1710s
AND PREPARATION OF THE VOYAGE OF PETER I TO PARIS: CONTROVERSIAL ISSUES
AND NEW INTERPRETATIONS

The article examines the international situation in Europe in 1716 — early 1717, when Peter I took the decision to travel to France. The authors analyze position of the leading European powers towards the Baltic / Northern issue and the prospects for the end of the Great Northern War. They also reveal factors that determined the attitude of England, France and Austria to the prospects of strengthening Russia and weakening Sweden from the point of view of their interests and the stability of the European system in general. The authors uncover the reasons that prompted the Tsar to strive to establish alliance with France. According to the authors, this was on the one hand dictated by the fact that the claims presented by Russia to Sweden at that momentum, to a greater extent coincided with the French vision of a peaceful settlement of the conflict between Charles XII and his opponents, and on the other hand, by the desire to secure support in case of any conflict with Austria.

Keywords: Great Northern War, International Relations, European Politics, Russia, Peter I, Baltic Region, Great Britain, Hanover, France, System analysis.

В 2017 г. в России и во Франции широко отмечалось 300-летие визита Петра I в Париж, состоявшегося с 10 (21) апреля по 13 (24) июня 1717 г. В обеих странах на самом высоком уровне прошли торжественные мероприятия, были организованы весьма представительные научные конференции. В Версале была развернута масштабная выставка «Петр Великий. Царь во Франции. 1717», которую 29 мая 2017 г. посетили президент Российской Федерации Владимир Путин и его французский коллега Эммануэль Макрон [13]. Юбилейные торжества широко освещались в СМИ, как в российских, так и французских (см., напр.: [29]).

Внимание политиков, ученых, широкой общественности к событию трехвековой давности вполне понятно. Это была не просто первая поездка русского царя во французскую столицу (хотя этот факт сам по себе также имел большое значение), но событие, имевшее колоссальные последствия с точки зрения трансляции наиболее передового на тот момент европейского знания в самых различных областях, а также последующего культурного взаимодействия России и Франции. Именно французская культура, литература, язык оказывали наиболее сильное влияние на российскую элиту в XVIII, а отчасти и в XIX столетии.

Однако, говоря о долговременном «цивилизационном» значении поездки Петра I во Францию в 1717 г., историки, а вслед за ними и все интересующиеся петровской эпохой и русско-французскими связями, часто уделяют недостаточное внимание политическим аспектам визита русского царя в Париж, за которым последовало заключение Амстердамского договора между Россией, Францией и Пруссией. Этот визит происходил на фоне крайне непростой обстановки на Севере Европы, где продолжалась война со Швецией — «дело всей жизни» Петра Великого — и где наметились серьезные расхождения между основными игроками, имеющими интересы в регионе Балтийского моря. России тогда пришлось столкнуться с явным и скрытым противодействием держав, озабоченных ее чрезмерным, как им казалось, усилением и амбициями.

Очевидно, что в этой ситуации приоритетом царя было скорейшее достижение мира, дипломатическое закрепление результатов русских побед, достигнутых дорогой ценой, и оформление новой политической конфигурации в Прибалтике и Северной Германии.

Однако при том, что существует обширная литература, посвященная различным аспектам пребывания Петра I в столице Франции, и многие детали визита изучены в мельчайших подробностях, исследователи часто оставляют в тени его конкретное (внешне)политическое содержание, (внешне)политическое значение и (внешне)политические последствия. Более того, нередко отмечается, что в поездке царя в Париж политика вообще не стояла на первом месте и в этом плане говорить можно только о долговременных последствиях данного события для дальнейшего развития русско-французских отношений. На это обратила внимание еще С. А. Фейгина, автор одной из наиболее фундаментальных работ о русской внешней политике второй половины 1710-х гг. Она справедливо указала, что многие авторы увлекаются «внешним описанием» визита Петра в Париж и уклоняются «от рассмотрения политических задач, которые он себе ставил и которые были неочевидны для современников, далеких от “большой политики”» [19, с. 49]. Можно предположить, что это связано со спецификой многих дошедших до нас источников, где содержится информация о пребывании царя во французской столице. Среди них немало документов личного происхождения (мемуаров, дневников, писем), авторы которых, при всей своей наблюдательности и литературных талантах, не имели прямого отношения к процессу выработки и принятия внешнеполитических решений и поэтому сосредоточили свое внимание на наиболее ярких и колоритных сценах и деталях нахождения «великого гостя» на берегах Сены. Заложниками этой ситуации вольно или невольно стали многие историки. В результате сложилась ситуация, когда мы отлично знаем, *что* делал Петр I в Париже не только по дням, но даже по часам, но при этом не можем ответить на вопрос *почему* — прежде всего когда он относится к политической стороне поездки.

К этому следует добавить, что порой имеет место смешение двух разных (хотя и взаимосвязанных) вопросов: о значимости внешнеполитической составляющей визита как таковой и о степени его успешности с точки зрения российских внешнеполитических задач.

В настоящей статье мы рассмотрим внешнеполитический контекст, в котором готовился и происходил визит Петра I во французскую столицу. Это позволит ответить на вопросы о целях, которые преследовали русская и французская стороны в ходе парижских встреч и переговоров, и о том, какова была степень их воздействия на международную ситуацию в Европе. Применив системный подход к анализу европейской политики, мы сможем увидеть, как происходил процесс вхождения России в круг европейских держав и каковы были ее реальные возможности повлиять на всю систему международных отношений второй половины 1710-х гг. Это позволит нам выявить факторы долгосрочного влияния, которые порой не видны за обилием деталей. Мы также будем исходить из положений школы структурного реализма (неореализма), и более конкретно — из концепции контроля сил и ресурсов Роберта

Гилпина. В работе «Война и изменения в мировой политике» он отметил, что одним из важнейших принципов функционирования международной системы является стремление государств получить контроль над поведением других ее акторов. При этом очевидно, что интересы конкретных субъектов системы могут вступать и вступают в конфликт друг с другом. Организационные принципы системы, формы реализации интересов, как правило, отражают вес и влияние различных игроков. Контроль над международной системой базируется на распределении сил и ресурсов между ее акторами, будь то отдельные государства или коалиции государств [26].

* * *

После окончания Тридцатилетней войны (1648) в Европе сложилась Вестфальская система международных отношений. Основными участниками международных отношений стали государства-нации; произошло правовое закрепление национально-государственного суверенитета; конфессиональные различия стали явно отходить на второй план; впервые стал претворяться в жизнь принцип политического равновесия и баланса сил. Европейские войны конца XVII — начала XVIII в. (т. н. войны Людовика XIV) стали наглядным примером того, как более слабые государства объединяются для противостояния более сильному, когда последнее претендует на гегемонию и пытается нарушить существующее равновесие системы.

Следует отметить, что хотя во второй половине XVII — начале XVIII в. общие принципы Вестфальской системы оставались неизменными, в ее рамках постоянно происходили изменения. Это было связано и с борьбой между «игроками» различного уровня, и с другими причинами (внутренними либо внешними). Так, после Славной Революции (1688) Англия, которая до этого времени несколько десятилетий шла преимущественно в фарватере французской политики, перешла в лагерь врагов Франции и вскоре стала одним из его лидеров. Династические перемены, произошедшие в Испании в начале XVIII в., также привели к перемене ее внешнеполитического курса. Наконец, в круг европейских держав стремительно ворвалась Россия, не просто заявившая о своих притязаниях, но и подкрепившая их грандиозными военными победами над Швецией, являвшейся со времен Тридцатилетней войны ведущим игроком на Севере Европы, в регионе Балтийского моря и в Северной Германии.

Какой же была обстановка в Европе к началу 1717 г., когда Петр I окончательно принял решение о поездке во Францию?

На севере континента сложилась ситуация, которую современники охарактеризовали как «Северный кризис» (так назывался известный памфлет того времени). Семнадцатый год шла Великая Северная война. Швеция уже потеряла значительную часть своих владений на Балтике и в Германии. Она находилась в состоянии войны с Россией, Пруссией, Саксонией-Польшей, Данией и Ганновером (связанным личной унией с Англией). Однако активных боевых действий не велось. Летом 1716 г. союзниками планировался десант в Южной Швеции (Сконе), который предполагалось осуществить с территории Дании силами русских и датских войск при поддержке датского и английского флота. По разным причинам этот десант не состоялся и был отложен (офи-

циально до весны 1717 г.); выделенные для этого русские войска были перевезены из Дании в герцогство Мекленбург, с которым Россия в апреле 1716 г. подписала союзный договор (см.: [4]).

Карл XII в 1716 г. пытался нанести удар по датским позициям в Норвегии, однако в итоге был вынужден оставить ее территорию. В 1717 г. там наступило затишье. На Балтике шведский флот также не предпринимал активных действий. Однако шведские каперы нападали на суда нейтральных стран, которые шли в порты, находившиеся под контролем России. Это угрожало балтийской торговле, имевшей большое значение для Англии и Голландии, и стало одной из причин ежегодной отправки ими эскадр военных кораблей в Балтийское море, начиная с 1715 г. [24, р. 54–55; 8, с. 321] (см. также: [20]).

Между державами, воюющими против Швеции, имелись весьма серьезные противоречия. Их цели в войне были различны, они не доверяли друг другу и постоянно подозревали друг друга в стремлении к проведению сепаратных переговоров с противником и приобретению каких-либо выгод в одностороннем порядке. Дело порой доходило до открытых конфликтов. Для России особенно неприятным был инцидент, произошедший в апреле 1716 г., после занятия Висмара соединенными датско-пруско-ганноверскими силами, когда русские войска не были допущены в капитулировавшую крепость.

Разногласия между членами Северного союза ярко проявились в ходе подготовки вышеупомянутого десанта в Сконе летом 1716 г. Широко известна реплика Петра, сокрушавшегося по этому поводу: «болтаемся туне, ибо, что молодые лошади в карете, так наши соединенные [союзники], а наипаче коренные: сволóчь хотя, да коренные не думают» (цит. по: [17, с. 51]); он также упрекал союзников в том, что они затягивали время и хотели вынудить русских понести большие потери, чтобы их ослабить. Со своей стороны, датчане обвиняли в срыве десанта Петра I, о чем поспешили сообщить всей Европе. Они также рассматривали присутствие русских войск (до 40 тыс. человек) и галерного флота на своей территории как угрозу собственной безопасности. Выдвигалась даже идея совместного с англичанами нападения на русских, чтобы заставить их «вернуться в Московию» (подробнее см.: [9, с. 140–141]). Впрочем, дальше разговоров об этом дело не пошло.

Державы, не участвовавшие в войне, также внимательно следили за развитием событий. Многих настораживала наметившаяся в этот период вовлеченность России во внутригерманские дела, а также ее военное присутствие на территории германских государств, которое теоретически могло иметь долговременный характер.

Действительно, появление русского флота на Балтике и русских войск в Северной Германии резко изменило ситуацию в этом регионе и в Европе в целом. Это изменение носило системный характер — оно было связано с появлением нового актора (т. е. России), который включился в борьбу за влияние и ресурсы. Однако это отнюдь не было изменением системы как таковой. Международные отношения в Европе продолжали сохранять характер, присущий им с момента заключения Вестфальского мира. Система международных отношений как была, так и осталась многополярной, она по-прежнему базировалась на принципе баланса сил; ее участники стремились к усилению своих позиций, не допуская

появления гегемона. Россия стала участником этой системы, стремилась играть по ее правилам и испытывала ее влияние.

«Ядро» европейской системы в 1717 г. образовывали отношения пяти держав: Англии, Голландии, Франции, Испании и Австрии. После окончания войны за Испанское наследство в этой системе произошли существенные подвижки, и ее равновесие было весьма неустойчивым. Война закончилась без явного победителя, однако она ослабила Францию и ухудшила ее положение в Европе. Хотя внук Людовика XIV Филипп Анжуйский и сохранил испанскую корону (а это было главной целью войны для «короля-солнца», заботившегося в первую очередь об интересах династии Бурбонов), заплаченная за это цена оказалась очень высокой, а сам выигрыш — достаточно эфемерным. При заключении Утрехтского, Раштаттского и Баденского договоров Франции (равно как и Испании) пришлось пойти на значительные уступки, что в свою очередь привело к усилению ее традиционных противников, прежде всего Англии, Голландии и Австрийских Габсбургов.

После смерти королевы Анны Стюарт (1714) и Людовика XIV (1715) ситуация стала еще более сложной. Восшествие на английский престол ганноверского курфюрста Георга-Людвига под именем Георга I существенно повлияло на внешнюю политику Англии. Хотя о масштабах этого влияния среди историков идут дискуссии, не подлежит сомнению, что в ней стала присутствовать тенденция к большей вовлеченности в северогерманские (и в целом в континентальные) дела, получившая название «ганноверизация» (Hanoverianism) [23, p. 249].

Ганновер находился в непосредственной близости от театра боевых действий Великой Северной войны. Географическое положение делало его весьма уязвимым, а военными силами, способными защитить свою территорию, он не обладал (общая численность его армии в то время не превышала 15–16 тыс. человек). Ганноверское правительство было озабочено, с одной стороны, тем, чтобы происходящие в ходе войны изменения не угрожали бы интересам курфюршества, а с другой — вынашивало собственные агрессивные планы, стремясь заполучить принадлежащие Швеции герцогства Бремен (не путать с одноименным городом!) и Ферден, расположенные в «треугольнике» между Северным морем и устьями Эльбы и Везера. Именно ради этого Георг I, как курфюрст Ганновера, в апреле–мае 1715 г. заключил союзные договоры с Данией и Пруссией, после чего вступил в войну со Швецией. 28 октября того же года был заключен Грайфсвальдский союзный договор между Ганновером и Россией. По условиям этого договора стороны, в т. ч. обязались при заключении мира со Швецией поддерживать территориальные притязания друг друга (ганноверские — на Бремен и Ферден, российские — на Ингерманландию, Карелию и Эстляндию с Ревелем).

При этом Англия официально в войне не участвовала. В Акте об устроении (на условиях которого Георг I был приглашен на престол) говорилось, что в случае если английский престол займет иностранец, Англия без санкции парламента не будет вступать в какие-либо войны для защиты его владений. Однако очевидно, что игнорировать состояние войны между Ганновером и Швецией английское правительство не могло. Как отмечалось выше, летом

1715 г. на Балтику впервые была отправлена сильная эскадра под командованием адмирала Дж. Норриса. Официально он должен был вместе с голландской эскадрой де Вета сопровождать торговые суда, идущие в балтийские порты, в т. ч. в Петербург и в порты, захваченные Россией у Швеции. Однако перед отплытием из Англии он получил устные указания от главы «ганноверской канцелярии» в Лондоне А. Г. фон Бернсторфа препятствовать возможной переброске шведских войск в Германию [23, р. 69].

Следует признать, что объективно присутствие английских и голландских военных кораблей на Балтике способствовало развитию торговых связей в регионе и отвечало как русским, так и английским интересам. В 1715 г. только в порт Санкт-Петербурга пришло в три с лишним раза больше торговых судов, чем за год до этого (53 против 16) (см.: [15]).

В следующем, 1716 г. Норрис снова прибыл в зону боевых действий, имея в своем распоряжении 19 кораблей с 1070 орудиями [21, р. 174]. В июле — начале августа около Копенгагена он соединился с датской, голландской и русской эскадрами. Всего собралось 62 корабля с 3616 орудиями — эта армада по всем показателям как минимум в три раза превосходила те военно-морские силы, которыми располагали шведы [21, р. 175]. Общее командование «четырех народов флотами» в августе 1716 г. осуществлял Петр I, однако ему не удалось склонить союзников к активным наступательным действиям (как уже отмечалось, десант в Сконе не состоялся). В результате все свелось, по сути, к военной демонстрации (основные силы прошли от Копенгагена до острова Борнхольм и обратно), единственная практическая польза от которой заключалась опять-таки в защите торгового судоходства.

В историографии давно идут споры о том, как оценить позицию Англии по отношению к Балтийскому вопросу в целом и к России в частности. Диапазон мнений здесь чрезвычайно широк: от утверждений советских (и не только) историков о том, что Англия в период Великой Северной войны последовательно придерживалась антирусского курса (см., напр.: [18, с. 377]), до точки зрения Карла Маркса, считавшего, что Россия смогла укрепиться на Балтике благодаря поддержке и попустительству Лондона. По его словам, в 1700–1719 гг. «Англия постоянно помогала России и вела войну против Швеции то путем тайных интриг, то открыто с помощью силы» [6, с. 3].

Представляется, что здесь надо иметь в виду следующее. Во-первых, на протяжении войны позиция Англии по вышеуказанным вопросам менялась в зависимости от общей внутри- и внешнеполитической конъюнктуры. Во-вторых, страны «антишведской коалиции» не рассматривались Туманным Альбионом как державы, отношениям с которыми следует уделять первостепенное внимание. В-третьих, Лондон всегда стремился проводить не анти- и не прорусскую политику (и равным образом не анти- и не прошведскую), но политику, которая бы в наибольшей степени отвечала его собственным интересам. В-четвертых, в интересующий нас период внутри правящей вигской верхушки по многим внешнеполитическим вопросам (в т. ч. и по балтийскому, см.: [16]) не было единства.

Что касается интересующего нас момента, то в 1716 — начале 1717 г. в Лондоне не было единого мнения относительно того, какую позицию следует

занять в ходе «Северного Кризиса». Англичане имели основания опасаться и шведов, и русских.

Первые вызывали тревогу, прежде всего из-за контактов с якобитами, повсюду искавшими поддержки. Эта тревога имела под собой определенные основания. Шведский дипломат Карл Гюлленборг (Gyllenborg), находившийся в Лондоне с 1703 г. (сначала в качестве секретаря миссии, затем резидента, а затем полномочного министра), установил тесные контакты со сторонниками династии Стюартов. В значительной степени это стало возможным благодаря его супруге-англичанке — Саре Дерит (урожденной Райт), хозяйке великосветского салона, открыто симпатизировавшей якобитам. Зимой 1715–1716 гг. имела место неудачная попытка Якова III («Старого претендента») закрепиться в Шотландии. После этого у его приверженцев в Англии возник план, суть которого состояла в том, чтобы воспользоваться финансовыми трудностями Карла XII и в обмен на субсидии получить от него военную помощь (речь шла о 10–12 тыс. солдат). Сложно сказать, на какой именно стадии находилась реализация этого плана и каков именно был характер участия в нем Гюлленборга, однако 27 января 1717 г. последний был арестован Джорджем Уэйдом. Одновременно в Нидерландах был взят под стражу находившийся там ближайший советник шведского короля граф Гёрц, от которого Гюлленборг получал инструкции. Вопреки действовавшим в то время международно-правовым нормам английские власти конфисковали бумаги Гюлленборга, которые были представлены парламенту и опубликованы [27]. Из них следовало, что английскими якобитами было собрано более 20 тыс. фунтов для отправки за границу. Однако этой информации, очевидно, было недостаточно для того, чтобы английское правительство пошло на полный разрыв отношений со Швецией и тем более на объявление войны. Лондон ограничился эмбарго на торговлю со шведскими портами и отправкой летом 1717 г. новой мощной эскадры на Балтику для защиты судоходства (на сей раз под командованием адмирала Дж. Бинга [21, p. 177]).

Можно предположить, что действуя таким образом, английское правительство стремилось сохранить для себя максимальную свободу маневра. Действительно, в сложившейся ситуации оно располагало чрезвычайно широкими возможностями: с одной стороны, у него был удобный и послушный инструмент для военного давления на Швецию в виде Ганновера, с другой — оно могло действовать как нейтральная «третья» сила, претендующая на роль верховного арбитра в урегулировании «Северного кризиса» и достижении мира между Карлом XII и его противниками. Этого не мог не заметить шведский король, который при всей своей воинственности предпочел не раздувать скандал в связи с «делом Гюлленборга», а наоборот дал понять англичанам, что у него не было намерений действовать против Ганноверской династии, и его дипломаты якобы рассчитывали лишь получить от якобитов деньги.

Что касается России, то англичане в тот момент опасались уже не столько выхода России на Балтику как такового (очевидно, что в интересующий нас момент после Полтавы и Гангута, взятия Выборга, Ревеля и Риги, это стало свершившимся фактом), сколько резкого изменения баланса сил в регионе

и Европе в целом. «Пределы» российской мощи были неизвестны, также неизвестно было где и для каких целей она может быть использована Петром I.

Англия также опасалась русско-прусского союза (укрепившегося в конце 1716 г.), в т. ч. из-за того, что отношения Ганновера и Пруссии, несмотря на подписанный ими договор, были весьма непростыми. Еще в большей степени Лондон опасался возможного присоединения к русско-прусскому союзу Франции, что могло превратить его из фактора региональной политики в фактор политики общеевропейской. 11 ноября (по новому стилю) 1716 г. государственный секретарь южного департамента Джеймс Стэнхоуп писал главе северного департамента Чарльзу Тауншенду:

У нас есть основания опасаться, что Франция под давлением Короля Прусского и Царя войдет в этот союз, что немедленно поставит Францию во главе 100 000 человек в Германии, чтобы действовать против Императора и Империи. Если Регент прислушается к этим предложениям, нам будет нечего сказать (цит. по: [23, p. 70]).

Эти опасения непосредственно влияли на англо-французские отношения того времени, о чем речь пойдет чуть ниже.

Соответственно, выстраивая свою политику в отношении России, Англия, как и в случае со Швецией, стремилась обеспечить для себя максимальную свободу рук и защиту собственных интересов. В отдельные моменты / в отдельных сферах они могли совпадать с русскими интересами. Так, английские купцы, находясь под защитой королевского флота, торговали с Санкт-Петербургом и теми портами, которые Петр захватил у шведов, что, естественно, было выгодно России. Присутствие английских эскадр объективно помогало русским проводить военные корабли, которые в это время приобретались в Европе для создававшегося балтийского флота и часто переправлялись на Балтику под видом торговых судов. Однако по многим другим вопросам английские и русские интересы существенно расходились. Лондон мог допустить лишь относительное ослабление позиций Швеции (прежде всего в Германии), но никак не ее полный разгром. России же нужно было в первую очередь добиться реализации своей программы и получить полноценный выход к морю, а поскольку Карл XII продолжал упрямо отказываться от мирных предложений, Петру приходилось наращивать как дипломатические, так и военные усилия, нанося шведам все новые и новые удары.

По сравнению с Англией и «привязанным» к ней Ганновером непосредственная вовлеченность Франции в балтийские и северогерманские дела в рассматриваемый нами период была существенно меньшей. У Парижа не было там никаких территориальных интересов; участие французских купцов в балтийской торговле было незначительным. Однако урегулирование «Северного кризиса» имело для Франции большое значение с точки зрения европейской политики в целом. Со времен Тридцатилетней войны Швеция была «французской шпагой» на континенте, и в годы Войны за испанское наследство Людовику XIV очень не хватало ее помощи. Неслучайно правительство «короля-солнца» несколько раз пыталось предложить свое посредничество Карлу XII и его противникам, чтобы прекратить «локальную» войну на Севере и вовлечь

ее участников в общеевропейский конфликт (естественно, на стороне Франции). Однако на начальном этапе Великой Северной войны шведский король, воодушевленный своими победами, в целом прохладно отнесся к демаршам Версаля, особенно учитывая то обстоятельство, что сами французы в это время терпели поражения от противостоящей им коалиции (хотя в отдельные моменты велись разговоры о возможности выступления шведов из занятой ими Саксонии против англо-австрийских войск, см.: [5, с. 113]). После Полтавы Карл XII изменил свою позицию и попытался оживить контакты с Францией, но позиция Людовика XIV также стала меняться. Не отказываясь в принципе от союза со Швецией, он теперь стал стремиться «разыграть русскую карту в той партии, которую он вел против Великого союза» [31, р. 587] и включить Россию в антигабсбургский «восточный барьер». Однако Ж.-К. Балюзу, направленному в 1710 г. к русскому двору (это была его вторая миссия в нашей стране), не удалось склонить Петра к какому-либо вмешательству в борьбу за чуждые ему интересы [11, с. 326]. Русская сторона также оставила без внимания попытки Франции предложить свое посредничество для заключения сепаратного мира со Швецией (такие предложения как минимум дважды делались через русского посла в Голландии Б. И. Куракина [7, с. 50]).

В этой ситуации уже после окончания Войны за Испанское наследство произошла нормализация франко-шведских отношений. 3 апреля 1715 г. в Марли был подписан договор, предусматривавший получение Швецией в течение трех лет субсидии от Франции в размере 600 тыс. экю в год [28, р. 39]. Конечно, можно сказать, что косвенно этот договор носил антирусский характер, поскольку усиливал противника Петра I. Однако главный его смысл был отнюдь не в этом. По мнению Эрика Шнакенбура, «король-солнце» «действовал так не только потому, что был гарантом Вестфальских договоров, но и исходя из традиционной максимы французской политики, заключавшейся в том, чтобы сохранить для Швеции опору в Германии» [31, р. 587]. Действительно, шведское присутствие там рассматривалось Версалем как важная составная часть его политического курса, направленного на сдерживание Австрийских Габсбургов — традиционных противников Бурбонов. Однако стареющий Людовик XIV и его государственный секретарь по иностранным делам маркиз де Торси понимали, что военное положение Швеции таково, что сохранить за ней хотя бы часть ее германских владений удастся только при соблюдении целого ряда условий, включая прежде всего значительные уступки России. Это наглядно подтверждают инструкции Л.-Ф.-А. Кольберу де Круасси (младшему брату маркиза де Торси), направленному в том же 1715 г. послом в Швецию (см.: [19, с. 117]).

Представляется, что исходя из вышеизложенного, мы можем отметить сходство и различие в позиции Англии и Франции по отношению к «Северному кризису» и перспективам его урегулирования. Сходство заключается в том, что обе державы были заинтересованы в сохранении Швеции как активного локального игрока, обладающего определенным военным потенциалом, и соответственно стремились не допустить ее полного разгрома. Различие же состояло в том, что при Сент-Джеймском дворе Швецию хотели видеть балтийской державой, являющейся противовесом другим региональным акторам. Это

в наибольшей степени отвечало и экономическим, и политическим интересам Великобритании. Что же касается шведских владений в Германии, то здесь позиция англичан определялась прежде всего вышеупомянутой ганноверизацией их политики. Соответственно им нужно было обеспечить гарантии территориальных приобретений Ганновера (Бремен и Ферден) и его безопасность, не втягиваясь при этом слишком сильно в континентальные дела. Версалью же Швеция была нужна именно как игрок на «германском поле», поэтому он придавал существенно большее значение сохранению там (хотя бы частичному) шведского присутствия и, наоборот, спокойнее относился к судьбе территорий в Восточной Прибалтике. Складывалась парадоксальная ситуация — позиция Франции, субсидировавшей Швецию, в большей степени соответствовала интересам России, чем позиция Англии, король которой вел со Швецией войну! Объективно это могло бы стать почвой для русско-французского сближения. Однако в рассматриваемый нами период французскую политику существенно осложнил династический фактор. 1 сентября 1715 г. скончался Людовик XIV. Королем стал пятилетний Людовик XV, а регентом при нем — его двоюродный дед герцог Филипп Орлеанский (племянник Людовика XIV). Важнейшей проблемой для регента было обеспечение стабильности своего положения, поскольку маленький король не отличался крепким здоровьем, а в случае его смерти претензии на трон Франции мог предъявить испанский король Филипп V, приходившийся Людовику XIV внуком, а Людовику XV — дядей, и с точки зрения династического права занимавший первое место среди возможных наследников престола. По условиям Утрехтского мира Филипп V отказался от французской короны, однако испанское правительство было не прочь пересмотреть их (в этом его готовы были поддержать противники регента в Версале, см.: [12]). В этой ситуации Филипп Орлеанский начал лихорадочный поиск союзников, заинтересованных в сохранении постутрехтского status quo и готовых в случае необходимости оказать ему поддержку против Испании. Такими союзниками по вполне понятным причинам оказалась Англия и Голландия. В октябре 1716 г. была заключена англо-французская конвенция, а 4 января 1717 г. — тройственный англо-франко-голландский союз. С его помощью регент вышел из дипломатической изоляции и существенно упрочил свое собственное положение. Лондон получил дополнительные гарантии того, что Франция не будет поддерживать Стюартов и таким образом подрывать позиции Георга I, а самое главное — надежду на то, что она не пойдет на слишком тесное сближение с какой-либо третьей силой, будь то Швеция, Пруссия или Россия.

В последующие полтора десятилетия (вплоть до 1731 г.) этот союз являлся базисом английской и французской внешней политики [25, р. 144–146]. Не вдаваясь в полемику о том, насколько он был, по выражению В. С. Бобылева, «противоестественным» [1, с. 109], отметим, что сам факт его заключения достаточно резко изменил расстановку сил в рамках европейского «ядра». Все это должен был учитывать Петр I, искавший пути решения стоявших перед ним внешнеполитических задач.

Говоря о позиции еще одной великой державы — Австрии — нужно учитывать следующие моменты — как объективные, так и субъективные. От-

ношения Венского двора со Швецией были весьма напряженными. Как уже отмечалось, последняя была традиционным союзником Франции — главного врага австрийских Габсбургов. Соответственно ослабление Швеции, особенно шведских позиций в Германии, было Австрии на руку. В то же время правительство Карла VI с очень большой тревогой отнеслось к появлению русских войск на землях Империи и союзу Петра I с Мекленбургским герцогом, опасаясь того, что Россия будет вмешиваться в внутригерманские дела, а возможно, и захочет получить какой-либо опорный пункт на немецком побережье. Конечно, у России и Австрии объективно имелись и другие точки как соприкосновения, так и расхождения (турецкие, польские дела и т. д.), но в рассматриваемый нами период наибольшее значение приобрел субъективный момент, связанный с делом царевича Алексея, о бегстве которого к императору стало известно в декабре 1716 г. Хотя для самих австрийцев появление в пределах их владений наследника русского престола было неожиданностью, Петр I в начале 1717 г. рассматривал возможность разрыва отношений с Карлом VI и проведения силовой операции по захвату царевича [8, с. 363]. При этом он должен был учитывать международное положение Австрии — ее дружбу с Англией (в мае 1716 г. был заключен англо-австрийский договор об оборонительном союзе) и напряженные отношения с Францией.

Именно в этом контексте Петр I в конце февраля — марте 1717 г. принял решение о поездке в Париж (процесс принятия этого решения подробно описан С. А. Мезиным [7, с. 57–60]). Очевидно, что главным политическим результатом поездки для царя могло стать сближение с Францией. Это сближение можно было использовать для решения двух основных задач, стоявших в тот момент перед ним.

Первая состояла в том, чтобы как можно быстрее склонить Швецию к миру на приемлемых для России условиях. О том, каких именно уступок требует российская сторона, неоднократно официально и неофициально заявлялось в различных европейских столицах. Прежде всего речь шла о территориях Ингрии, Карелии, Эстляндии (соответственно с Петербургом, Нарвой, Выборгом и Ревелем), которые должны были быть перейти к России. Петр I также настаивал на том, чтобы шведы отказались от Лифляндии с Ригой, которые предполагалось на определенных условиях передать Польше [19, с. 83–84]. Это была своего рода «программа минимум».

В историографии давно идут дискуссии о том, рассматривал ли Петр I кроме этого возможность закрепления за Россией какого-либо опорного пункта на германском побережье Балтийского и/или Северного моря. Многие отечественные историки самых разных школ и исторических эпох утверждали, что ничего подобного не было и все предположения на сей счет исходят от недоброжелателей, стремившихся обвинить Россию в агрессивности (см., напр.: [8, с. 310]). Конечно, русофобские настроения в историографии в т. ч. петровской эпохи были, есть и, к сожалению, видимо, еще будут. Но речь идет не о них. А о том, почему Петр I — европейский политик начала XVIII в., перед глазами которого было немало примеров «лоскутных» империй (прежде всего та же шведская), — не мог стремиться подражать им? Еще в начале XX в. М. Полиевктов писал:

Стремясь к Балтийскому морю по соображениям не только политического, но и торгового характера, Петр Великий на мог не задумываться над мыслью о свободном выходе в океан для России. В силу торговых интересов его государства для него представляло существенное значение заручиться правом голоса на случай каких-либо территориальных переделов в Северной Германии, и это заставляло его не только заботиться о привлечении к войне новых союзников, но и об активном участии России в военных действиях в германских владениях Швеции. В таком смысле война в Померании могла помочь ему «стать надолго твердою ногою» в своих завоеваниях; не надо только предполагать, что он преследовал цели территориального приобретения повсюду, где ни появлялись русские войска [10, с. 26–27].

Это вполне допускали в Европе. В книге С. А. Фейгиной упоминается анонимная записка (очевидно французская), присланная в 1717 г. русским агентом в Париже К. Н. Зотовым, где прямо говорится, что в нынешней ситуации русский царь имеет все основания не пренебрегать возможностью «себя укоренить в некотором месте в Германии», и прежде всего на ее побережье, чтобы иметь гарантии на случай недружественных действий Швеции и Дании [19, с. 87–88].

Все это вполне укладывалось в рамки тех «правил поведения», которые существовали в европейской политике того времени и которым стремился следовать Петр I. Как раз в конце 1716 г. была завершена работа над текстом «Рассуждения о причинах Свейской войны» [14] — первого русского политического памфлета, предназначенного для распространения в Европе, составленного П. П. Шафировым при участии самого царя. В 1717 г. (по другим данным позднее — между 1718 и 1721 гг.) был опубликован его немецкий перевод, а в 1722 г. — английский [3]. «Рассуждение» было составлено по образцу полуофициальных памфлетов, обосновывавших справедливость того или иного конфликта, которые получили распространение в Европе с 30-х гг. XVII в. Оно было призвано показать, что Россия является «цивилизованной и христианской страной» подобно другим европейским державам [30].

Вторая задача состояла в том, чтобы как можно быстрее вернуть в Россию из Австрии царевича Алексея Петровича и не допустить, чтобы Венский двор использовал его в ущерб российским интересам.

Применительно к первой задаче, Франция с точки зрения России могла выступить и в качестве посредника, и в качестве рычага давления на Карла XII, а также в качестве определенного противовеса Англии и Ганноверу. Что касается второй задачи, то здесь Петр I нуждался в союзнике на случай возможного столкновения с Австрией. Очевидно, что кроме Франции на эту роль в тот момент никто больше не подходил.

Французские историки вплоть до настоящего времени часто повторяют тезис Альбера Вандоля о том, что якобы Петр I хотел с помощью Франции

вступить в дипломатический концерт держав, принять участие в их совещаниях и давать чувствовать свое влияние не только в северных делах, но и в делах всего континента. Но в качестве пришельца в европейском совете, проложившего себе дорогу силой, он мог надеяться занять в нем место только в том случае, если его представит могущественный друг, который его поддержит. Ни нарождающаяся

Пруссия, ни второстепенные германские государства не была на высоте подобной роли: Россия нуждалась в поддержке одной из монархий, шедших благодаря своей древности и блеску своего могущества, во главе наций. По мнению Петра, австрийские интересы слишком разнились от его интересов, чтобы он мог соединиться с Веной; Англию он не любил, Испанию не знал. Оставалась Франция: он обратился к ней [2, с. 27–28].

Представляется, что в подобном «представительстве» Россия в тот момент уже не нуждалась. К середине 1710-х гг. она уже вошла в круг европейских держав, хотя это ей стоило больших усилий и затрат. Как отметил С. М. Соловьев, в это время «сцена русского дипломатического действия обхватила всю Европу; русские интересы переплетались с интересами Германии, Англии, Франции. Кто мог вообразить что-нибудь подобное лет восемь тому назад?» [17]. В свою очередь Э. Шнакенбур, говоря о Петре I в 1717 г., отметил, что к этому времени он уже стал «постоянной величиной на европейской сцене» [31, р. 587].

Представляется категорически невозможным согласиться с известным британским историком Дж. Блэком, который утверждает, что политику, проводившуюся во второй половине 1710-х гг. Петром I (а также Филиппом V), невозможно объяснить в терминах баланса сил, и называет действия обоих монархов «иррациональными» и «непостижимыми» [22, р. 744]. Россия (равно как и Испания) в то время не обладала ресурсами, которые позволили бы ей качественно изменить и тем более разрушить Вестфальскую систему международных отношений, даже если предположить, что она поставила бы перед собой такую цель. Однако она совершила качественный рывок и стремилась закрепить достигнутые результаты. При этом она всячески подчеркивала стремление «вписаться» в существующую европейскую систему, подчиняться ее логике, принимать действующие в ней правила.

Россия стала европейской державой со всеми вытекающими отсюда последствиями; и глава этой державы отправился в Париж с совершенно очевидными и понятными политическими целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. — М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. — 165 с.
2. Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV / пер. с фр. А. Гретман. — М.: Изд-во Сфинкс, 1911. — 369 с.
3. Захаров А. В. Рукопись «Дедикации» П. П. Шафирова и государственная пропаганда Петра I // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 22 (351). История. Вып. 61. — С. 172–181
4. Ефимов С. В. «Совершенная безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств». Русская армия в Мекленбурге в 1712–1719 годах // Война и оружие: новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. — СПб., 2017. — Ч. 2. — С. 178–220.
5. Ивонина Л. И. Падение шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII — начала XVIII в. // Исторический формат. — 2015. — № 3. — С. 107–119.

6. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. (продолжение) // Вопросы истории. — 1989. — № 3. — С. 3–17.
7. Мезин С. А. Петр I во Франции. — СПб.: Европейский дом, 2017. — 320 с.
8. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. — М.: Международные отношения, 1984. — 438 с.
9. Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. — М.: Гос. изд-во политической литературы, 1950. — 276 с.
10. Полиевктов М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907. — 380 с.
11. Полонянкина Е. А. С. А. Фейгина о русско-французских связях первой четверти XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — Вып. 3 (59). — С. 325–329.
12. Попова Е. А. Идея объединения Франции и Испании в начале XVIII в. // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. — 2015. — № 2. — С. 45–52.
13. Путин и Макрон посетили выставку о Петре I в Версале // РИА Новости, 29.05.2017. — URL: <https://ria.ru/20170529/1495346338.html> (дата обращения: 02.11.2020).
14. Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский... к начатию войны против короля Карла XII, Шведского, в 1700 году имел... — М., 1717. — 128 с.
15. Репин Н. Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и ее результат // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2008. — № 1 (18). — С. 77–108.
16. Соколов А. Б. Прав ли Маркс? Заметки о британской политике в отношении России в XVIII веке // Родина. — 2014. — № 10. — С. 8–15.
17. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 17–18 // Соловьев С. М. Соч. в 18 кн. — М.: Мысль, 1997. — Кн. IX. — 708 с.
18. Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е. В. Соч. — М., 1959. — Т. IX.
19. Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 546 с.
20. Aldridge D. D. Admiral Sir John Norris and the British Naval Expeditions to the Baltic Sea, 1715–1727. — Lund: Nordic Academic Press, 2009. — 381 p.
21. Anderson R. C. Naval Wars in the Baltic during the Sailing-ship Epoch, 1522–1850. — London: C. Gilbert-Woods, 1910. — VI, 423 p.
22. Black J. Interventionism, Structuralism, and Contingency in British Foreign Policy in the 1720s // The International History Review. — 2004. — Vol. 26, N4. — P. 734–764.
23. Black J. Politics and Foreign Policy in the Age of George I, 1714–1727. — London; New York: Routledge, 2016. — 298 p.
24. Chance J. F. The Northern Question in 1717 // The English Historical Review. — 1905. — Vol. XX, N77. — P. 33–60.
25. Dhondt F. Balance of Power and Norm Hierarchy: Franco-British Diplomacy after the Peace of Utrecht. — Leiden; Boston: Brill — Nijhoff, 2015. — XII, 636 p.
26. Gilpin R. War and Change in World Politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — 272 p.
27. Letters which passed between Count Gyllenborg, the Barons Gortz, Sparre, and Others: Relating to the Design of Raising a Rebellion in H. M. Dominions, to be supported by a Force from Sweden. — London: S. Buckley, 1717. — 39 p.

28. Norrhem S. Mercenary Swedes. French subsidies to Sweden, 1631–1796 / trans. by Ch. Merton. — Lund: Nordic Academic Press, 2019. — 300 p.

29. Pierre le Grand, un tsar à Versailles // La Croix. 20.06.2017. — URL: <https://www.la-croix.com/Culture/Expositions/Pierre-Grand-tsar-Versailles-2017-06-20-1200856612> (дата обращения: 02.11.2020).

30. Piirmäe P. Russia, the Turks and Europe: Legitimations of War and the Formation of European Identity in the Early Modern Period // Journal of Early Modern History. — 2007. — Vol. 11, N1–2. — P. 63–86.

31. Schnakenbourg E. La France et le développement de l'influence russe en Europe du Nord dans la première moitié du XVIII siècle // Guerres et paix en Europe centrale aux époques moderne et contemporaine: mélanges d'histoire des relations internationales offerts à Jean Bérenger / textes réunis par D. Tollet, avec une introduction de L. Bély. — Paris: Presses Paris Sorbonne, 2003. — P. 585–596.